

Недавно меня пригласили на скромный, но достойный самого искреннего уважения юбилей — 30-летие Дома-музея Горького. Разумеется, я с благодарностью принял это любезное приглашение, но, признаюсь, невольно подумал: Алексей Максимович умер, как известно, в 1936 году. Выходит, что понадобилось целых тридцать лет, чтобы создать в доме, где он жил, музей? А ведь какая это замечательная вещь — мемориальная квартира-музей!

Можно быть хорошо знакомым с творчеством выдающегося писателя или художника, хорошо знать его биографию, но совершенно особенное, ни с чем не сравнимое чувство испытываешь, когда переступаешь порог, за которым жили и творили великие. И это не столько простое и, в общем, притягательное человеческое любопытство: «Ага, значит, он входил в эту дверь... Сидел в этом кресле... Работал за этим столом...», но нечто значительно большее — соприкосновение с неповторимым Прошлым, Эпохой, Историей, Легендой. Никогда не забыть чувств и мыслей, охватывающих в квартире Пушкина на набережной Мойки, в усадьбе Толстого в Ясной поляне, Чехова — в Мелихове, Гете — в Веймаре, Шекспира — в Стратфорде-на-Эвоне, Рембрандта — в Амстердаме, Эль-Греко — в Толедо. И Горького — в особняке, построенном в начале века на Малой Никитской архитектором Шехтелем для промышленника Рябушинского.

Но нельзя не сказать и о том, что создание музея Горького почему-то наталкивалось на не совсем понятные, на первый взгляд, сложности, преодоление которых заняло целых тридцать лет. Все же музей состоялся. И в этом прежде всего была заслуга Надежды Алексеевны Пешковой, вдовы Максима, сына Горького, ушедшего из жизни за два года до своего великого отца. Именно она, обаятельная «Тимоша», как ее ласково называли в горьковской семье, проявив глубокое понимание долга перед русской и, тем самым, мировой культурой, смогла в нелегких и непростых условиях уберечь все то, что сейчас составляет замечательную экспозицию Дома-музея — личные вещи писателя, книги, картины, сувениры, коллекции, весь исторический интерьер. Надежда Алексеевна дождала до открытия музея, но все последние тридцать лет он находился под деятельной заботой дружной, преданной своему делу (мне очень не хочется употреблять слишком затертое в свое время слово «энтузиасты») женской «бригады», отлично сохраняющей музей, радушно встречающей посетителей и поддерживающей в нем образцовый порядок.

Эти люди активно участвуют в подготовке многолюдного академического собрания сочинений Горького, разбирают огромное эпистолярное наследие писателя и многое другое: Дефицит газетной площади не позволяет, к сожалению, перечислить всех членов этой «бригады», но я не могу не на-

звать Лидию Быковцеву, Светлану Островскую, Лию Иокар, Марфу Пешкову, Валерию Чернухину... Прошу прощения у тех, кого не упомянул в этом ряду.

На оживленной и приятной юбилейной встрече в Музее я был, пожалуй, единственным, если, конечно, не считать Дарьи и Марфы Пешковых — внучек писателя, — кто вправе был сказать: «Я видел и слы-

Вет. Москва, 1995. — 11 июля. — С. 2.

Из максимально горькой эпохи...

шал Горького, бывал в этом доме при его жизни». И это право современника и старожила позволяет мне вспомнить кое-что из той поры, когда особняк на Малой Никитской еще не был Домом-музеем, а был просто домом, где Горький поселился со своей семьей, когда окончательно вернулся из Италии в 1928 году. У меня прямо перед глазами картина встречи писателя на площади Белорусского вокзала. Там, где сейчас стоит памятник, бушевала многотысячная толпа, и Бухарин в синей сатиновой рубашке помогал Горькому забраться на грузовик, восклицая «Максимыч с нами!» Горький был очень смущен и вытирал слезы. Москва ликовала, что писатель, наконец, вернулся на родину.

Говорили, что Горький не любил особняк, в котором его поселили. Ему не нравился немного мрачноватый, претенциозно-вычурный стиль «модерн». Но в нем ему было удобно работать, принимать друзей и знакомых, собирать писательские совещания. В доме всегда было полно народу. Мне не раз приходилось там бывать и встречать А. Толстого, Л. Никитину, а чаще всего Л. Леонova. Нередко сюда с парой бутылок грузинского вина заезжал и тот, кто, по выражению Александра Твардовского, «для всех нас был одним, судьей вершителем земным».

Взаимоотношения Горького со Сталиным — вряд ли подходящая для краткой газетной заметки тема. Слишком сложной и темной представляется эта страница нашей истории. Но, как мне кажется, Сталину до поры до времени нравилось, что всемирно прославленный писатель,

«буревестник революции», друг Ленина, находился под его державным покровительством. Возможно, ему приходила на ум аналогия «Пушкин — Николай Первый»? В той самой столовой, где отмечалось 30-летие музея, Горький прочел Сталину поэму «Девушка и смерть», которой «вершитель судеб» тут же дал столь же высокую, сколь и «глубокомысленную» оценку: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете». В этой же комнате с огромным стрельчатым окном, выходящим в сад, происходило собрание писателей, на котором Сталин присвоил им звание «инженеров человеческих душ». Тогда же Сталин неожиданно для всех рассказал о том, как тяжело больной, почти совсем

парализованный Ленин просил его, Сталина, принести ему цианистый калий. («Вы, Коба, я знаю, человек твердый, поэтому к вам и обращаюсь...»). «Я не считал возможным, — рассказывал Сталин, — взять на себя такую ответственность и поставил этот вопрос на политбюро. Политбюро единогласно решило: яда Ленину не давать». Стояла мертвая тишина. Присутствовавшие испуганно переглядывались, не понимая, зачем надо посвящать в эти зловещие тайны Кремля. Немного выждав паузу и не спеша раскурив трубку, Сталин добавил: «Возможно, после этого Владимир Ильич написал о моей грубости».

Вспоминая о многочисленных встречах в этом доме, не могу не отметить, что всякий раз там присутствовали разные люди, известные своей принадлежностью к «органам», начиная с их шефа. Все это подтверждало ходившие тогда разговоры, что семья Горького и, естественно, он сам находились под плотным и непроницаемым коллаком НКВД-ГПУ.

Недобрая тайна окутывает обстоятельства смерти Горького. Как известно, при жизни Сталина существовала директивно-непреложная версия, что Горький и его сын Максим были коварно умерщвлены «врагами народа» при содействии шефа ГПУ Генриха Ягоды. Мне довелось присутствовать на одном из пресловутых процессов 30-х годов и своими ушами слышать, как Ягода послушно признавался в убийстве Горького и других тяжких преступлениях, а в своем последнем слове (предполагалось, что Сталин по специальному поводу слушал все, что происходило на процессе) просил сохранить ему жизнь, чтобы «хотя бы из-за решетки видеть победное строительство социализма». Естественно, что все обвиняемые были расстреляны, включая лечащих врачей, которые были честными и хорошими специалистами.

После смерти Сталина возникла другая, по моему мнению, более правдоподобная и обоснованная версия.

Сталин сильно охладел к Горькому, когда понял, что вряд ли дождется от него, что тот напишет так же ярко, проникновенно и убедительно, как о Ленине. И Горький стал его постепено раздражать. Возможно, он усмотрел со стороны писателя и некую неблагодарность — ведь «вершитель судеб» осыпал Алексея Максимовича всеми мыслимыми почестями, присваивал его имя улицам, театрам, городам, заводам, колхозам. Ходил даже анекдот (рассказывали его шепотом и без деталей), что был проект переименовать даже эпоху в Максимально горькую... Но главное, вероятно, было в том, что в голове Сталина уже созрел замысел грандиозной беспощадной кровавой чистки, вскоре, в страшном Тридцать седьмом году прозванной «ежовщиной». «Отец народов» решил, что вряд ли может рассчитывать на поддержку Горького в этом деле и его «чувство глубокого удовлетворения» по поводу предстоящих смертных приговоров людям, которых Горький хорошо знал и с которыми дружил. Больше того, Сталин наверняка не сомневался, что Горький будет стесняться его своими сомнениями, просьбами и ходатайствами. Он решил, что Горький мешает. Остальное, как говорится, было «делом техники», как с Фрунзе, Кировым, Крупской, Михоэлсом...

В конечном же счете нельзя отрицать, что смерть Горького окутана какой-то недоброй тайной, и ушел он из жизни временно, не достигнув и семидесяти лет, не свершив многого, что было задумано и начато. Но литературное наследие, оставленное им, огромно, его читают и перечитывают. По сей день с успехом идут его пьесы «На дне», «Мещане», «Варвары», «Васса Железнова» и другие. Но вместе с тем личность и память о Горьком не избежали, к сожалению, модного ныне «развенчания», «переосмысления», а проще сказать — принижения, очернения. В этом упражняются охотники всех и все разоблачать, сокрушать, уничтожать. И Горький для них — одиозная фигура.

Я позволю себе привести другое мнение, которое высказал почти шесть десятков лет назад Михаил Кольцов и которое не потеряло своей актуальности сегодня:

«...Проходят годы. Мы, современники Горького, лично знавшие его, не можем смириться с его смертью... Но для народных масс, для мировой культуры и цивилизации, для всего человечества — писатель Максим Горький никогда не будет утрачен, никогда не может исчезнуть. Ведь это живой, осязаемый, реальный кусок нашей страны. Кусок России, ее народа, ее культуры, ее природы. Разве могут умереть, исчезнуть Жигулевские горы, морской прибой у крымских берегов или зеленые просторы кубанских степей? Как Пушкин, как Толстой, как Стенка Разин, как балтийские матросы, как сибирские партизаны, как огни Магнитной горы, как тревожная и широкая русская песня — останется жить в веках народный великан Максим Горький».

Эти строки наполняются неопровержимой правдой для каждого, кто переступит порог дома на Малой Никитской.

Борис ЕФИМОВ

Фото Дмитрия АСТАХОВА